

В.Г. СМОЛИЦКИЙ
(Москва)

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗОВ»

Песня «Платов в гостях у французов» записывалась не менее 125 раз во всех регионах России. Самые ранние из дошедших до нас списков относятся, вероятно, к 30-м годам XIX в., самые поздние собраны в конце XX в.

Более чем за 100 лет песня варьируется лишь в отдельных незначительных деталях. Содержание ее сводится к следующему: переодетый герой проникает неузнанным в стан врага. Не следует искать прямых реалей, положенных в ее основу. Связь сюжета с действительностью состоит в том, что во время войны 1812 г. казаки часто находились в расположении неприятельских войск: вели бои местного значения, нападали на вражеские обозы, нарушали коммуникации сил противника, ходили в разведку, постоянно проявляя мужество, военную хитрость и смекалку. В этом и заключается историческая правда произведения. Но по законам эпического жанра эта правда воплощена в традиционные формы.

Многие черты песни приближают ее к поэтике былин. Это проявляется прежде всего в характере обобщения. Для былины характерно столкновение двух антагонистических сил, представлять как конфликт двух персонажей. Так, борьба христианской Руси с язычеством была изображена как бой Добрыни Никитича со Змеем, борьба со степью и татаро-монгольским игом — как бой Ильи Муромца с Соловьем-Разбойником, его же — с Идолищем Поганым, как бой Алеше Поповича с Тугариным и т.д. В рассматриваемой песне война России с «дванадцатью языками» изображена как столкновение Платова с «французи-ком».

Специфической чертой подавляющего большинства героических былин является почти всегда одна и та же композиционная модель: противник представляет нападающую сторону; богатырь обязательно обороняется, защищается, освобождает, спасает; его победа — акт торжества справедливости. Песня о Платове продолжает идею многовековой песенной эпической традиции, когда воспеваемый подвиг обязательно связан с борьбой за справедливость. Это раскрывается уже во вступлении:

Святорусская земля
Много горя приняла...
Прошла слава про тебя,
Про Платова казака...
(И.п. XIX, № 134).

Таким образом, «про Платова казака далеко слава прошла» прежде всего в связи

с тем, что он выступил на защиту Родины, оказавшейся в горе и нужде. Сохраняется в песне и характерный для былин композиционный стержень — мотив «предварительной недооценки героя», однотипная реализация которого роднит ее с былиной «Илья Муромец и Идолище Поганое». Герои песни и былины, прежде чем встретиться со своим антагонистом, изменяют внешность.

В былине при описании врага делается акцент на его неимоверных размерах. Песня, сложенная в XIX в., подчеркивает уже не физическую силу, а его высокое социальное положение, его властное могущество. В некоторых текстах он назван французским королем, Наполеоном, Бонапартом. Но и там, где этого не говорится, указывается на его знакомство с большинством русских «сенаторов» и генералов. Это не простой француз — это знатный человек, сильный, предоставленный ему властью.

Между персонажами-противниками и в былине и в песне происходит идентичные диалоги. Идолище спрашивает про Илью Муромца и хвастает своим физическим превосходством. Французик тоже интересуется Платовым, грозит расправой с ним, хвастает, что возьмет его в плен и снимет «с живого козю» (И.п. XIX, № 136). Хвастовству и бравадству врага противопоставляются простота и скромность героя.

Илья Муромец:

Илья-то ведь да Муромец
А волосом да возрастом ровным с меня...
А хлеба ест как по три-то калачика
крутичатых,
А пьет-то зелена вина на три пятачка
на медных.
(Гильф., № 48).

Платов:

Платов ростом не великий,
Словно братец родной мой.
Его личико, румянец
Будто брата моего.
(И.п. XIX, № 146).

Оба произведения заканчиваются моральной победой героя, но концовка былины об Илье и Идолище дополняется физической расправой богатыря со своим врагом. Песня же не показывает окончательной «силовой» победы. Это дает некоторую возможность предположить: ее запели еще в ходе кампании 1812 г., до полного изгнания и поражения Наполеона.

Мотив изменения внешности перед встречей с антагонистом в русской эпической традиции имеет много примеров без кровавого окончания. Такова былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче — русский вариант международного бродячего сюжета «Муж на свадьбе своей жены», известного во многих национальных эпических традициях (например, в «Одиссее»).

Таким образом устанавливается генетическая связь песни о Платове с рядом эпических мотивов, восходящих к древно-



сти. Мы увидели, что она выросла на старинной былевой основе. Однако песня о герое 1812 г. со всеми своими многочисленными историческими реалиями могла возникнуть только в XIX в. Следовательно, на сюжетной основе древней традиции возникло новое произведение — походная казачья и солдатская песня со своим конкретным содержанием и новым музыкальным строем, соответствующим ритму походного движения.

У песни есть и более близкие, чем былина, «родственники» и по времени происхождения, и по деталям сюжета — некоторые исторические песни XVIII в.

Существует песня о Петре Великом. Ее единственный список, неоднократно публиковавшийся, относится к 1791 г.; он из г. Починки Нижегородской губ. Составители сборника «Исторические песни XVIII в.», перепечатывая, дали ему заглавие: «Петра Первого узнают в шведском городе». По своему поэтическому и мелодическому строю песня еще связана с былевой традицией. Анализ, проведенный П. Бессоновым, обнаружил в ней ряд постоянных старинных песенных формул¹.

Вот ее содержание. Царь тайно отправляется на кораблях, и никто не ведает куда. Петр берет с собой «силушки очень мало» — только преображенных гренадеров, — и приказывает им не называть его ни царем, ни государем, а заморским купчиной. Они приплывают к Стокгольму, «что к тому ли шведскому королевству». Лже-купчинушка расхаживает по улицам, пока его не узнает «гетман земли Шведской», который докладывает королеве, что по городу гуляет не купец, а русский император. Королева вынесла портреты семи царей, и по ним установили личность Петра. Она приказывает запереть городские ворота: «Вы ловите царя Белого скорее». Смелость самого царя, преданность матросов и солдат дают им возможность возвратиться в Россию.

Если Петр I разгуливает неузнанным по вражескому городу, то в двух других песнях XVIII в. герои, подобно Платову, приходят в гости к своему персонифицированному врагу. Так возникает конкретный песенный сюжет: «N в гостях у неприятеля». В XVIII в. этот сюжет связывается с именами Краснощекова и Прозоровского.

Эпический цикл песен о Краснощекове вобрал в

себя судьбы нескольких представителей этой фамилии. В большинстве произведений, посвященных данному фольклорному персонажу, легко просматриваются реальные исторические лица, за которыми стоят люди разных поколений. Старший — Иван Матвеевич — атаман донских казаков, дослужившийся до чина бригадира. Он жил в первой половине XVIII в. и был убит во время одной из многочисленных войн со шведами в 1742 г. В Семилетнюю войну (1756—1763) в войске донском среди командиров встречаются два Краснощековых: бригадир Федор Иванович (несомненный сын Ивана Матвеевича) и полковник Андрей (отчество не установлено). В распоряжении бригадира находилось два казачьих полка, в распоряжении полковника — один. Оба отличались своей «храбростью и неустрашимостью».

Как и потом, в 1812 г., казачьи войска обязаны были причинять противнику «всяческий вред»: «беспокоить» его, заводить перестрелку, отбивать обозы, отнимать съестные припасы и обмундирование. И действительно, многие их победы сопровождались реляциями о захвате большого количества пленных и трофеев.

Сам герой изображен в песне «Краснощеков в гостях у прусского короля». Центром бытования песни были, несомненно, земли казаков, потомков участников Семилетней войны. Вероятно, и возникла она у казаков в то время, когда эта война еще была «злобой дня»: либо в ходе ее, либо вскоре после ее окончания. На это указывают сохранившиеся в текстах исторические реалии: противником героя обязательно выступает прусский король (только в архангельском тексте прусс заменен шведом). В песне инициатором переселения казака в купца всегда является царица. Правда, со временем имя ее позабылось, и в большинстве случаев она безымянная: матушка, матушка Россия, государыня, сударыня. Только один текст называет ее имя, и то неправильно — Катерина, вместо правившей тогда Елизаветы Петровны (Холмский, с. 55).

Большинство текстов песни о Краснощекове начинается так же, как и песня о Платове:

Ты Россия ли, Россия,
Мать Российская земля.
(И.п. XVIII, № 399).

Цель, с которой отправляется в Пруссию

Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении многие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихиш характера, все изибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет испытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии.

(Гоголь Н.В. О малороссийских песнях // Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1958. С. 91).



Краснощекоев, не называется, но, вероятно, подразумевается: он не должен быть узан, как всякий лазутчик, разведчик. Проникнуть с такой целью в стан врага — занятие привычное для казака. Прусс (прусский король), приняв его за русского купца, пытается подкупить и получить от него важные сведения:

*Он просил гостя дорогого
Правду-истину сказать:
Сколько в армии есть войска,
Краснощекоев показать.
(И.п. XVIII, № 399).*

За это он обещает: «Много-много бы казны дал» (И.п. XVIII, № 397). Гость иронизирует:

*На что казны давать?
Можно так его узанть.
(И.п. XVIII, № 396).*

По его описанию, Краснощекоев похож на отца и брата «купчика». Изобразив собственный портрет, атаман выходит на крыльцо, зовет своих слуг, требует коня и, вскочив на него, уже верхом, смеется над противником:

*Ты ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки ципать.
(И.п. XVIII, № 398).*

Подобными словами оканчиваются все тексты песни о Краснощекоеве, знаменующей собой победу над врагом: герой превзошел его в ловкости, сообразительности и смелости.

Возможно, походная песня с сюжетом «N в гостях у неприятеля» возникла именно в Семилетнюю войну. Во второй половине XVIII в. она бытовала уже не обязательно с Краснощекоевым. На место казачьего атамана можно было подставить любого другого командира, собственного начальника, «злободневного» героя очередной военной кампании. До нас дошли подобные песни о Прозоровском.

Александр Александрович Прозоровский (1732—1809) — потомок древнего княжеского рода, Рюрикович. В XVII в. его предки участвовали в жестокой войне с разинскими казаками. В середине XVIII века в его войсках казаки играли видную роль. Он участвовал, и успешно, в Семилетней войне, но его «звездный час» пришелся на русско-турецкую войну 1769—1774 гг., в которой главнокомандующим был фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский. Закончил он свою карьеру в XIX в. в звании генерал-фельдмаршала.

С 1767 г. он находился в Польше, которая в то время граничила с турецкой Оттоманской империей. В среде его казаков появилась песня «Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря». Она дошла до нас в единственном тексте рукописного сборника конца XVIII — начала XIX века (ИРЛИ, архив «Русской старины», ф. 265,

оп. 3, № 8, л. 29—29 об., опубликована в И.п. XVIII, с. 250). Вероятно, песня бытовала среди воинов, служивших под его началом. Во всяком случае, она имеет некоторые исторические реалии, связанные с его деятельностью. Зачин ее «*Ох мы польскую земельку наблюдаем завсегда*» рисует обстановку 1767 г., когда Прозоровский командовал отрядом, находившимся в Польше, и вел разведывательные операции, в результате которых обнаружил скопление турецких сил. Неслучайно в песне упомянута турецкая крепость Хотин. В ее осаде и штурме в августе-сентябре 1769 г. отряды Прозоровского принимали самое активное участие. Конец песни, где Прозоровский приглашает визиря «на батальицу», дает основание предполагать, что она возникла еще до взятия Хотина (7—9 сентября 1769 г.): о победе еще неизвестно. Во всяком случае, время ее бытования относится к самому концу 60-х — 70-м годам XVIII века. Песня дошла до нас без разбивки на стихи, но в ней нетрудно обнаружить ритм, характерный для солдатских и казачьих походных песен, подобных поздним песням о Краснощекоеве.

Песня о Платове в гостях у французов является переделкой песни, возникшей, вероятно, всего, в XVIII в., переделкой, связанной с повторением некоторых обстоятельств реальной действительности в различных исторических условиях. Традиционная тактика казачьих «легких» войск в 1812 г. вобрала в себя опыт казачьих военных тактических операций: и в XVIII столетии, и в Отечественную войну казаки неизменно «наведывались в гости к неприятелю». Использование готовых сюжетов, старых композиционных схем, поэтических приемов, постоянных формул лежит в природе фольклорных произведений, отражая диалектическое единство коллективного и индивидуального начала в традиционном народном творчестве. Но такое единство требует, чтобы каждое произведение не только следовало традиции, но и отображало злобу дня, т.е. несло в себе нечто неповторимое, связанное с конкретностью своей эпохи. Проследить это более детально позволяет анализ песни о Платове. Она начинается с обращения к России:

*Ты Россия, ты Россия,
Мать российская земля.*

Среди исторических песен XVII и XIX в. такой зачин встречается только в песнях о Краснощекоеве и Платове и только в сюжете об их пребывании в гостях у неприятеля. В большинстве песен о Краснощекоеве продолжением этого обращения является мысль о том, что российская земля «много нужды приняла» (И.п. XVIII, № 396), «много крови пролито» (И.п. XVIII, № 397), «много нужды приняла... много крови... пролила» (И.п. XVIII, № 401). В песне о Платове наряду со словами о нужде, крови, горе и слезах часто говорится и о другом:

*Про тебя ли, мать Россия,
Хороша слава прошла.
(И.п. XIX, № 151).*

Иногда эти не противоречащие друг другу утверждения соединяются в одно — наиболее правдивое:

*Много славы, много чести,
Много горя ты снесла.
(И.п. XIX, № 150).*

Вероятнее всего подобный зачин начал складываться еще в песне о Краснощекове и на протяжении XVIII—XIX вв. развивался, «шлифовался» и приобрел в конце концов эту всеобъемлющую формулу о славе, чести и, одновременно, горе, крови, слезах. Такой зачин придает дальнейшему рассказу о подвиге Платова особую значительность и глубину. Слава России переплетается со славой казака:

*Не про ты ли, мать Россия,
Широка слава прошла,
Широка слава прошла
Да про Платова казака?
(И.п. XIX, № 137).*

Повествование о Платове как правило начинается с описания его волос и бороды, редкий текст не упоминает об этом.

*У Платова-казака
Да небритая борода
Да не стрижены волоса.
Во Париж-город вступил,
Себе бороду обрил,
И русы волосы остриг...
(И.п. XIX, № 137).*

Как уже говорилось, изменение внешности перед встречей с врагом — мотив, нередко встречающийся в эпосе русского и других народов. Но прежним эпическим героям, чтобы их не узнали, следовало только переодеться (например, поменять платье богатерское на каличье или скоморшье). Стрижка волос и бороды — деталь, отсутствующая в текстах о Краснощекове и Прозоровском, не такая маловажная, как может показаться на первый взгляд. Издревле, с языческих времен, у славянских народов существовало особое уважение к ношению бороды. Христианство укрепило традицию. В «Русской правде» за насильственное лишение этого мужского украшения с обидчика взималась пеня в 12 гривен, в то время как за увечье — всего только 3 гривны. В допетровской Руси бритье бороды и пострижение усов воспринималось как нечто аморальное и даже греховное: «се бо женам лепо, мужам же не подобно»³. Старообрядцы стали называть брадобритие «законопреступным»⁴. Власти церковные и светские неоднократно писали обличения и принимали различные меры против брадобритцев.

Петр I запретил городскому населению носить на лице растительность еще решительнее, чем его предшественники оберега-

ли ее. На бороды и усы он ввел специальную пошлину, которую обязаны были платить все, кроме священников, в зависимости от своего общественного положения и достатка, от 30 до 100 рублей. Уплатившим выдавался специальный «бородовый знак». Крестьянам надо было приобретать его только тогда, когда они приезжали в город, — за две деньги. В деревнях по этому поводу их никто не беспокоил. На долгие годы, до середины XIX века, название «бородач» стало синонимом слову «мужик», «крестьянин». В этом отношении казаки оказывались близкими к простому люду. В отличие от солдат регулярных войск, их не заставляли бриться. По этому признаку их нетрудно узнать на лубочных картинках, посвященных Отечественной войне. Борода сближала казака и крестьянина, делала их «своими».

Платов, может быть, первый казачий атаман, изображение которого было выгравировано и очень широко распространено в народных картинках. По словам Д.А. Ровинского, его портреты, наряду с портретами М.И. Кутузова и поэта-партизана Дениса Давыдова, пользовались «особенной популярностью»⁵. Этот историк искусства в своем «Подробном словаре русских гравированных портретов» указал 88 различных его изображений. И всюду он был представлен бритым, безбородым (а Денис Давыдов в своем партизанском облике — с бородой). Отсутствие бороды у Платова, вероятно, для многих современников тем более было странно, что существовала легенда о его старообрядчестве, легенда, проникшая даже в упоминаемый выше «Подробный словарь русских гравированных портретов»: «Платов представляет единственный пример старообрядца, достигнувшего высоких чинов и графского титула»⁶. Эта легенда опровергается документами. Будучи на административной должности войскового атамана Войска донского, он писал воронежскому преосвященству о своем негативном отношении к устроению в г. Черкасске единоверческой церкви: «состояние раскольника в военном народе терпимо совсем быть не может: оно ослабит военную дисциплину, расстроит правила ее и казака доведет до негодности быть прямым казаком»⁷. Платов не был старообрядцем. Но, повторяем, легенда такая существовала и даже отразилась в песне. В некоторых текстах бритье бороды связывается с тем, что он «через закон преступил» (И.п. XIX, №№ 131, 138, 139, 142, 146, 153, 163, 166, 169), «закон переменял» (И.п. XIX, № 151). Это требовало объяснений, и песня их давала, указывая на военную необходимость проникновения в тыл врага:

*Казак смелость поимел,
Свою бороду обрил,
Волоса свои остриг
Да у француза в гостях был.
(И.п. XIX, № 144).*



*Усы-бороду обрывал,
Чтоб ханцуз его не взнал.
(И.п. XIX, № 157).*

Иногда эта необходимость усугубляется тем, что инициатором этого преобразования является сам император:

*Государь его любил,
К себе в гости попросил,
Ему бороду обрил,
Позументы с груди снял,
Купцом его наряжал,
Ко французу посылал.
(И.п. XIX, № 134).*

Бритье бороды «оправдало» себя. Француз принял Платова за купца. Он угощает его водкой и расспрашивает о Платове, называя его «вором» (И.п. XIX, № 131), «грубияном» (И.п. XIX, № 135), «плутом» (И.п. XIX, № 132).

*Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ.
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
(И.п. XIX, № 136).*

Особая ненависть к атаману понятна:

*Он в раззор нас разорил...
(И.п. XIX, № 140).*

Поэтому он нужен французам, чтобы «с живого шкуру снять». Для этого он не пожалеет денег:

*Кто б про Платова сказал,
Тому б злата много дал.
(И.п. XIX, № 133).*

Француз хочет подкупить своего гостя, соблазняя его «казной».

Жестокому, но простоватому врагу Платов загадывает загадку (нередкий случай в эпических диалогах). «Купец» на предложение хозяина отвечает, что Платова нетрудно отыскать:

*На что золота терять?
Его так можно узнать:
Он одно лицо со мной
Ровно брат мне родной.
(И.п. XIX, № 140).*

Разгадка ясна — перед тобой сам разыскиваемый. Но француз не понимает этого. Песня приближается к своему финалу. Платов выбегает на крыльцо, зовет своих слуг и казаков, которые подают ему коня, и уже верхом обращается к неприятелю с речью:

*Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать...
Сизы перышки щипать.
(И.п. XIX, № 135).*

Иногда вслед за этой издевкой идет вызов на бой:

*Прилетай-ка к нам, ворона,
В чисто поле погулять.
Про тебя у нас, ворона,
Пирог напечены
Да сухари засушены.
Пирогам будем кормить,
А сухарям по крыльям бить.
Крылья-перья обобьем,
Во шкатулку окладим
Да во Париж-город пошлем.
(И.п. XIX, № 137).*

Так возникает традиционный образ врага — «непрощенного гостя», известный в русской словесности еще со «Слова о полку Игореве».

В аристократических кругах, где Платов вращался по долгу звания и благодаря графскому титулу, он всегда оставался чужаком «по недостатку благородства характера»⁸. Биограф Платова писал, что вокруг него всегда было много «завистников», «тайных врагов», «недоброхотов»⁹. Но народ в его лице видел собственного представителя, у которого «не стрижены волосы... и небритая борода» (И.п. XIX, № 146) и который расстался с мужской «лепотой» только в результате крайней военной необходимости. Героем народной войны 1812 г. и должен был стать именно такой человек, как Платов.

Мы попытались проанализировать соотношение исторической реальности и песенной традиции в создании конкретного произведения, проследить, как подвиг и славу народ превращает в песню.

Примечания

¹ Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1872. В. 8. С. 164—166.

² Семилетняя война. М., 1948. С. 453.

³ Стоглав. СПб., 1863. С. 125.

⁴ Бургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 54.

⁵ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 5. С. 294 (примечания).

⁶ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1783.

⁷ Лысогорский Н.В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв. (по 1883 г.). Сергиев Посад, 1915. С. 577.

⁸ Харкевич В.И. Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 11 (приложение).

⁹ Смирной Н.Ф. Жизнь и подвиги гр. М.И. Платова. СПб., 1821. Т. 1. С. 28.

Список сокращений

Гильф. — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1971 года. М.; Л., 1950.
И.п. XVIII — Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О.Б. Алексеева, Д.И. Емельянов. Л., 1971.

И.п. XIX — Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л., 1973.

Холмский — Сборник казачьих песен / Сост. С.Я. Холмский. Курск, 1910.